

**ОТНОШЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО К БРИТАНСКИМ
«ПРЕДВОДИТЕЛЯМ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ»
(Статья вторая «Достоевский и Герберт Спенсер»)***

Существуют свидетельства, что идеи Герберта Спенсера были ближе Достоевскому, чем теории всех других английских философов. Будучи редактором журнала «Гражданин», Достоевский в 1873 г. опубликовал заметку, озаглавленную «Герберт Спенсер о народном воспитании»¹. Это была выдержка из последней работы Спенсера «Изучение социологии», отдельные части которой печатались в виде серии статей в лондонском журнале «Современное обозрение» («Contemporary Review»). Казалось бы, для считающейся консервативной, поддерживающей существующий порядок газеты «Гражданин» Спенсер был неподходящим автором. До того, как это произошло, имя Спенсера в русской журналистике было связано с радикальным ежемесячником «Отечественные записки», на страницах которого идеи английского философа критически анализировались Н. К. Михайловским. Достоевский, по-видимому, был знаком с некоторыми из полемических статей Михайловского о Спенсере. Серия таких статей о работе Спенсера «Что такое прогресс?» была опубликована в «Отечественных записках» в 1869 г. В 1872 г. в том же журнале появилась еще серия из двух статей Н. К. Михайловского о Спенсере «Что такое счастье?». Народники и прогрессисты начала 1870-х гг. рассматривали эти публикации чуть ли не как проект будущих социальных реформ.

Первые переводы трудов Спенсера появились в России в 1866 г., задолго до того, как он был переведен на другие языки. Именно на это время приходится публикация Н. Л. Тибленом первых томов задуманного им 7-томного издания Г. Спенсера². Первые тома собрания включали ранние эссе Спенсера, в том числе «Прогресс: его закон и причина» (1857), ставшее отправной точкой для дальнейших работ философа. Более объемная работа «Основные начала» (1862) вышла отдельным томом³. Издатели рекомендовали Спенсера русскому читателю как представителя современной

* Статью первую «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль» см.: Русская литература. 2000. № 3. С. 37–52.

¹ Герберт Спенсер о народном воспитании // Гражданин. 1873. № 43. 22 октября. С. 1150–1152.

² Спенсер, Герберт. Собр. соч.: В 7-ми томах. / Перевод под ред. Н. Л. Тиблена. СПб, 1866–1867. (В свет вышли лишь 5 томов: в 1866 гг. — 1, 3; в 1867 — 2, 5, 6).

³ Спенсер, Герберт. Собр. соч. СПб., 1875. Т. 5. Ч. 1–2. Том издан в двух вариантах: в одном часть 2-я содержит 10 глав, в другом — 13.

западной философской мысли, заслуживающего особенно тщательного изучения. Указывалось, что Спенсер попытался приблизиться к самым фундаментальным вопросам науки и религии и взаимных отношений между ними. Подчеркивалось, что Спенсер подходит к познанию с позиций синтеза и обобщения.

Н. Л. Тиблен, переводчик и издатель Спенсера, был в 1860-е гг. близким другом Достоевского, с которым они познакомились в 1860 г. С тех пор Достоевский привязался к нему, как он писал в письме Страхову: «Передайте мой поклон добрейшему, милому Тиблену (которого, я не знаю за что, я как-то стал любить в последнее время)». (28₂; 28). Н. Л. Тиблен также участвовал в издании «Эпохи». Вполне возможно, что именно Тиблен мог познакомить Достоевского с работами Спенсера.

Как и выпускник Инженерного училища Достоевский, Г. Спенсер изучал инженерное дело, математику и естественные науки. Предшественник Дарвина, он попытался применить теорию эволюции, или идею развития, в качестве основного начала ко всем отраслям знания. Спенсер считал, что эволюция существует как в органическом, так и в неорганическом мире. Она руководит моральным и физическим развитием человеческой личности. Эволюция — это непрерывный процесс, не просто вперед, к большему разнообразию и дифференцированности, но и вверх, к совершенству, которое еще предстоит достигнуть. Спенсер назвал этот процесс «выживанием наиболее приспособленного» («survival of the fittest»).

Самые ранние работы Спенсера были посвящены френологии и стилю прозы. Его первая книга «Социальная статика» вышла в 1850 г., на девять лет раньше, чем «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Однако, в отличие от Дарвина, философия Спенсера предполагает Создателя, наделившего человека определенными чертами, в том числе стремлением к счастью, свободе и равенству. «Социальная статика» открывается исследованием вопроса о том, каковы те уникальные условия, при которых «Божественная идея», то есть величайшее счастье, может осуществиться⁴. Отвергая эмпирическую утилитарную этику, Спенсер выдвинул в качестве посылки интуитивную этику, считая, что человеку присуще врожденное моральное чувство, которое и ведет его к осуществлению Божественной идеи — счастью человечества: «Бог хочет, чтобы человек был счастлив; этого счастья можно достичь только с использованием определенных способностей; этими способностями необходимо пользоваться для получения счастья; использование этих способностей предполагает свободу действий; таковы шаги, которые ведут нас от Божьей воли к закону равной свободы»⁵.

Наивысшей мудростью Спенсер считал полное и бесстрашное следование по пути, на который моральное чувство указывает как на «абстрактно правильный», не взирая на то, насколько выгодным, опасным или губительным может оказаться этот путь.

⁴ См.: *Spencer, Herbert. Social Statics: The Conditions Essential to Human Happiness, and the First of them Developed.* New York, 1954. P. 60–66.

⁵ Там же. P. 154 (перевод автора статьи).

В более позднем эссе «Прогресс: его закон и причина» (1857) Спенсер применил свои эволюционные взгляды к всеобщему прогрессу и развитию в космическом масштабе. Эссе открывается рассуждением об изменениях, претерпеваемых зерном, при этом в подтверждение цитировалось исследование Гёте; затем автор переходит к солнечной системе, развитию психики индивидуума и эволюции общества и культуры. Спенсер намеревался истолковать этот универсальный закон прогресса в его многообразных проявлениях как следствие, неизбежно вытекающее из некоего универсального принципа.

Свою следующую работу, озаглавленную «Основные начала» (1862), Спенсер рассматривал как изложение своих взглядов на основные метафизические и теологические вопросы. Его современники оценивали ее как вклад в дискуссию о борьбе между наукой и религией, которая в это время как раз развернулась в Англии. В этой работе Спенсер постулировал существование Универсальной непознаваемой силы и делал попытку примирить науку и религию.

В «Основных началах» Спенсер отстаивал два закона, касающиеся неуничтожимости материи и непрерывности движения, понимая их в свете универсального закона «сохранения силы»⁶. Эта точка зрения привела его к вере в «космическое равновесие», которое явится концом всех видов эволюции: «полное счастье» наступит только при установлении наивысшего совершенства.

Плодовитый писатель, Спенсер опубликовал множество эссе, статей и монографий по метафизике, биологии, психологии, социологии, этике и образованию. Он стремился к развитию синтетической философской системы, используя научные данные и методологию, основанные на использовании «фундаментальной интуиции». В России, где его труды были необыкновенно популярны и к 1876 г. уже полностью переведены, его имя связывалось с прогрессом, просвещением, наукой и молодым идеализмом. Самая его популярная у читающей публики работа — «Воспитание умственное, нравственное и физическое» (1861) почиталась ключом к возрождению общества.

Неизвестно, были ли в библиотеке Достоевского переводы работ Спенсера, сделанные Тибленом, так как не сохранилось списка книг, принадлежавших Достоевскому или купленных им в 1860-е гг. Та библиотека, которую Достоевский составил в более поздние годы, включала перевод книги Спенсера «Воспитание умственное, нравственное и физическое»⁷.

Достоевскому должен был импонировать взгляд Спенсера на Божественную идею, его вера во врожденное моральное чувство человека и его эволюционная натурфилософия. Достоевский наверняка также понял бы и одобрил отрицание Спенсером своей принадлежности к разряду позитивистов, его крайне индивидуальный вариант утилитаризма и то, что позднее

⁶ *Spencer, Herbert. First Principles* (6th ed). London, 1937.

⁷ См.: *Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому*. М.; Пг., 1923. С. 45.

он порвал с «социальным дарвинизмом», сторонником которого какое-то время считался. Хотя Достоевский, выводя свои универсальные истины, и предпочитал искать факты и свидетельства в частных случаях, он тем не менее полагался при этом на «фундаментальную интуицию». Вполне возможно, что соединение у Достоевского аналитического и интуитивного подходов явилось причиной того, что его почитают такие ученые, как Ухтомский и Эйнштейн. Последний даже, как известно, сказал, что Достоевский дал ему больше, чем Гаусс⁸.

Важная положительная, хотя и косвенная ссылка на мысли Спенсера содержится в одном из писем Достоевского его племяннице Софье Ивановой от 26 октября / 7 ноября 1868 г. Ссылку эту необходимо рассматривать в контексте дебатов в викторианской Англии о науке и религии. Достоевский советует своей любимой племяннице прочесть («прочтите непременно» — 28₂; 319) сентябрьский номер «Русского вестника» за текущий год со статьей о Съезде британских естествоиспытателей, где автор, в частности, положительно отзывается о позиции Спенсера в этих дебатах⁹.

Автор статьи рассматривает Герберта Спенсера как одного из «глубочайших мыслителей» современности и сопровождает свою мысль цитатой из «Основных начал»: «...если желаем примирения религии с наукой, то должны принять в основание эту обширнейшую и несомненнейшую из всех истин, что сила, проявляющаяся в мироздании, непостижима для нас»¹⁰. Затем следует обсуждение выдвигаемых Спенсером предпосылок: «Связь, соединяющая физическую и духовную историю человека, силы, подчиняющие действие индивидуума то влиянию духа, то влиянию материи — из всех задач, указанных нам естествоиспытанием и психологией, [эта задача] самая заманчивая и, может быть, неразрешимая; изучение этих явлений обнимает собой прошедшее и будущее, источник и цель существования, к уразумению которых непреодолимо стремится ум человека»¹¹.

Далее делается упор на необходимости взаимного примирения и согласия религии и науки, при котором религия и наука могут идти «рука в руку», отмечая как взаимные достижения, так и недостатки: «Много было говорено и писано об отношении религии к науке. <...> Пусть каждый отыскивает истину в своей области: археолог в физическом, религиозный учитель в нравственном мире. Напрасно стали бы они удаляться друг от друга, смотреть друг на друга в уменьшительное стекло. Потребность узнать, откуда и куда идет наше существование, неискоренимо присуще человеческому уму. Чтоб удовлетворить этой потребности, человек во все времена и во всех странах исповедовал верования, обнимающие историю его прошедшего и будущего, и с жадностью принимал научные истины,

⁸ См., например: Кузнецов Б. Образы Достоевского и идеи Эйнштейна // Вопросы литературы. 1968. № 3. С. 138–165; James L. Rice. Dostoevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History. Ann Arbor, 1985. P. 234.

⁹ Съезд британских естествоиспытателей // Русский вестник. 1868. № 9. С. 337–359.

¹⁰ Там же. С. 352.

¹¹ Там же.

подтверждающие эти верования. Я убежден, что без этой неискоренимой потребности ни религия, ни наука не получили бы такой власти над умами народов. Наука в этом искании никогда не препятствовала религиозным стремлениям добрых и ревностных людей, и предостережения проповедников никогда не в силах были отклонить пытливые умы от откровений науки.

Море времени разливается между тою эпохой, до которой доходят первые предания наших предков, и эпохой гораздо более отдаленною первого появления человека на земном шаре. Учители религии не указывают пути по этому морю, и вот наука предлагает провести нас вдоль берегов его. Каждое новое открытие, доносящееся к доисторическому времени, воздвигается пред нами как путеводный маяк на острове; мало-помалу от одного такого острова к другому перекажутся мосты, по которым человек перейдет обширное море. Может быть, науке никогда не удастся измерить всю глубину этого моря и достигнуть отдаленнейших краев его, но она тогда лишь остановится, когда будет доказано на основании данных, доселе нам не представляющихся, что глубина эта неизмерима и края эти недостижимы. И если на этом пути мы будем помнить, что законы ума не подлежат еще ведению естествоиспытателя, а законы материи не входят в область учителя религии, то оба могут работать рядом в мире и согласии». ¹²

Спенсер признавал ограниченность науки, но тем не менее горячо защищал научный метод. (И на Съезде британских естествоиспытателей его также превозносили за опыты и наблюдения в области физиологической ботаники.)

Достоевский побуждал Соню Иванову прочесть эту статью, поскольку он считал себя наставником племянницы. Он хотел, чтобы она подумала над таким отношением к науке, так как он, очевидно, был с ним согласен и считал статью поучительной. Действительно, в своих высказываниях о науке Достоевский часто подчеркивал ее недостатки, отдельные из которых, как он полагал, со временем будут преодолены, когда будут открыты новые законы, еще неизвестные людям: «Вы конечно, понимаете, — писал он в 1876 г., — что наука человеческая еще в младенчестве, почти только что начинает дело и если есть за ней что-либо обеспеченное, так это покамест лишь то, что она твердо стала на ноги; и вот вдруг посыпался бы ряд открытий вроде таких, что солнце стоит, а земля вокруг него обращается (потому что наверно есть еще много таких же точно, по размерам, открытий, которые теперь еще не открыты, да и не сняты мудрецам нашим)» (22; 33).

Также можно предположить, что источником известного изречения Достоевского о том, что «на западе Дарвинова теория — гениальная гипотеза, а у нас давно уже аксиома» (23; 8), является этот же отчет из «Русского вестника» о Съезде британских естествоиспытателей, где так передается

¹² Там же. С. 351–352.

сказанное доктором Джозефом Гукером, занимавшим председательское место: «...если, отстранив всякое предвзятое мнение, последуем за Дарвином шаг за шагом в приложении его теории к фактам, мы, кажется, должны будем сознаться, что она объясняет часть их, хотя и не согласна с некоторыми; и я думаю, что теория эта (Дарвина. — И. З.) будет принята многими как предварительная гипотеза, которая требует дальнейшего исследования, но не должна быть оставлена, пока не будет предложена другая, более убедительная»¹³.

Сделанные наблюдения подтверждают, что Достоевский уже в конце 1860-х гг. был знаком (хотя бы в изложении) со взглядами Спенсера и Дарвина. Как уже отмечалось выше, будучи редактором «Гражданина», он решил (или согласился) опубликовать в газете выдержку из последней работы Спенсера, переведенной К.П. Победоносцевым. Эта выдержка представляла собой значительную часть главы XV («Введение в психологию») из работы Спенсера «Изучение социологии» и была сосредоточена на проблемах нравственного воспитания. Спенсер в ней старается доказать наличие прямой связи или зависимости между действием и чувствами или ощущениями, а также, что познание или знание («ведение») само по себе не производит действия. Познание или знание также не влияет на поведение. Таким образом, сама по себе идея может произвести действие, только если она влечет за собой чувство: «Действия человеческие зависят непосредственно от *ощущения*, а не от *ведения*. Введение, само по себе, не производит действия. <...> То же самое, что видно в <...> простом действии, оказывается и в действиях самых сложных. Итак, повторяю, действия человеческие определяются не ведением, а чувством. Отсюда таков должен быть заключительный вывод: склонность к тем или другим действиям укрепляется только опытом, то есть часто повторяемым переходом от чувства к действию».¹⁴

Высоконравственные поступки делаются не потому, что их совершение усиливает понимание или знание тех, кто их совершает, но потому, что они усиливают их высокие чувства и высшие ощущения. Спенсер иллюстрирует эту мысль рядом примеров, показывающих, что поведение диктуется не знанием, но чувством. Народное образование не в состоянии ни остановить преступность, ни повысить уровень общественной морали. Законодательство обязано принять во внимание эту психологическую истину. Положительный характер важнее для общественного блага, чем знание: «Для благосостояния общественного, характер несравненно важнее многознания <...> Из всех целей, которые может иметь в виду законодатель, самая первая, самая важная — образование характеров в народе и утверждение сознания личной ответственности каждого, а эта именно цель и оставляется без внимания»¹⁵.

¹³ Там же. С. 349.

¹⁴ Герберт Спенсер о народном воспитании. С. 1150–1151.

¹⁵ Там же. С. 1152.

С этой точки зрения, необразованный рабочий предпочтительнее, «нежели обученный и знающий, но неисправный, беспорядочный, пьяный, не думающий о семье»¹⁶. Утверждение Спенсера о том, что люди неспособны понять, что для них лучше, и что поэтому их нельзя заставить действовать только на основании каких-то идей, например, рациональной идеи корыстного интереса, явно противоречит утилитарной и детерминистской философии. Эта мысль Спенсера, взятая сама по себе, должна была напоминать и Достоевскому, и его читателям об идеях, выраженных в его книгах, особенно в «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании».

В самом деле, кажется, что связь между аргументацией Спенсера и «Записками из подполья» была специально актуализирована в варианте, напечатанном в «Гражданине»: в русском переводе было добавлено одно предложение, которого нет в оригинале Спенсера и в котором, как о чем-то самоочевидном, говорится, что это ясно «как дважды два четыре» — важный мотив / рефрен в «Записках из подполья». Взятый в целом, русский вариант является не просто литературным переложением философии Спенсера. Здесь добавлены новые акценты, некоторые моменты усилены, например мысль Спенсера о том, что «изо всех целей, которые может иметь в виду законодатель, самая первая, самая важная — образование характеров в народе...» Текст «Гражданина» уточняет этот тезис, подчеркивая также важность «...и утверждения сознания личной ответственности каждого». Спенсер этого не говорил, но Достоевский уже делал подобные высказывания в своей авторской рубрике «Дневник писателя» в предыдущих выпусках «Гражданина» (и неоднократно будет делать в будущих; см., например: 21; 95–96, 124, 132). Позднее эта тема ответственности каждого за все будет вплетена в художественную ткань «Братьев Карамазовых»: «Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле», — будет учить старец Зосима (14; 149).

Итак, Достоевский как бы берет спенсеровский тезис об ответственности, связанный с детерминизмом, но перенесением на общественные явления этот тезис трансформируется в тезис о вине, связанный с идеалом всеобщей любви и правды. Здесь обнаруживается различие западной мысли и русской, почвенной, православной, хотя связь между ними все же остается.

Спенсер утверждает, что вера в безусловное нравственное действие умственного образования, опровергаемая фактами, есть не что иное, как предвзятое положение (абсурд априори), натянутое до нелепости.¹⁷ Критика, которой Спенсер подверг это утверждение (что улучшения общественной нравственности можно достигнуть «заботой о распространении умствен-

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Там же. С. 1151.

ного образования»), является еще одной темой, поднятой Достоевским на страницах «Гражданина». Тема совершения преступлений и нарушения общественного и нравственного порядка героями высокого умственного развития была исследована Достоевским уже в «Преступлении и наказании» и будет им далее исследоваться в «Бесах» и «Братьях Карамазовых».

Достоевский понимал, очевидно, что в полемически накаленной атмосфере русского журнализма 1870-х гг. публикация Спенсера будет понята как согласие с ним и пропаганда его взглядов, чуждых как радикалам, так и либералам и консерваторам, которые все, так или иначе, провозглашали образование решением различных проблем, включая проблему преступности. В более поздних номерах «Гражданина» Достоевский поддерживает идеи Спенсера о народном «образовании» и его отношении к нравственному воспитанию. В статье «Одна из современных фальшей» он бросает вызов доминирующему как в консервативной, так и в «псевдолиберальной» прессе взгляду, что студенты, вроде нигилиста Нечаева, непременно должны быть либо «лентяями» и «идиотическими фанатиками», либо «недоразвитой и вовсе не учащейся молодежью». «Напротив, даже настоящие монстры из них могут быть очень развитыми, прехитрыми и даже образованными людьми, — пишет Достоевский. — Или вы думаете, что знания, „научки“, школьные сведеньица (хотя бы университетские) так уже окончательно формируют душу юноши, что с получением диплома он тотчас же приобретает незыблемый талисман раз навсегда узнавать истину и избегать искушений, страстей и пороков. Таким образом, все эти кончившие курс наук юноши станут тотчас же, по-вашему, чем-то вроде множества маленьких пап, не подлежащих прегрешению» (21; 129).

Как Спенсер различает «умственное образование», с одной стороны, и «нравственные действия» или развитие характера — с другой, так и Достоевский видит различие между приобретением знаний, с одной стороны, и воспитанием моральных ценностей — с другой. Оба считают последнее фундаментально важным как для личности, так и для общества.

С этого времени (то есть с конца 1873 г.) начинается особенный интерес Достоевского к вопросам воспитания и морального и психического развития. Через несколько месяцев Достоевский покинет пост редактора «Гражданина» и посвятит все свое время работе над романом «Подросток», где обсуждаются как раз эти вопросы. В его последних художественных произведениях мысль о торжестве простого сердца над просвещенным умом обыгрывается в нескольких вариантах. Читая его записные книжки, мы встречаем такие высказывания, как, например: «просвещенный человек не всегда человек хороший» и др. В 1876 г. Достоевский возобновляет издание «Дневника писателя», теперь уже как самостоятельного журнала, где он продолжает выступать против как радикалов, так и консерваторов по вопросам нравственной культуры, норм поведения и просвещения. В черновом автографе октябрьского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. он замечает: «Явилась идея обратиться к народным [идеалам] (тут юродивые). Но в народе забываться стал. Иные насмешке

подвержены. <...> Было одно демократическое воззрение, что народ даже и не *может быть* компетентным в составлении сего идеала, что его нужно прежде обучить грамоте, образить, развести школы и проч. и проч. <...> Наконец стала грозить даже беда, в лучшие люди стали грозиться самые последние» (23; 334).

Согласно консервативной теории Спенсера, изменений в человечестве и в обществе можно достигнуть только медленными эволюционными шагами, рассчитанными на поколения. Достоевский также считает, что «все делается постепенно на свете» (23; 133); «готовым человеком никто не родится» (16; 276).

Достоевский любит употреблять такие выражения, как «созидаться», «выделяться» и «недоделанные люди». «Люди, люди — это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации, вековым много-страдальным трудом ее — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны» (21; 93).

Герои его художественных произведений тоже часто отстаивают подобную точку зрения в своих спорах. В записках к «Подростку» выражена мысль, что эволюционный процесс продолжается бесконечно во всех сферах жизни: ничто не умирает, напротив, все продолжает жить органически, лишь перевоплощаясь в другие формы (см.: 16; 276). Такие взгляды хорошо согласуются как с общей теорией эволюции Спенсера, так и с его предпосылкой о «сохранении силы». Эта предпосылка, получившая дальнейшую разработку в «Основных началах», относится к идее трансформации и тождественности силы.¹⁸ Спенсер утверждает, что физическая сила может перевоплотиться в интеллектуальную, то есть, если какая-либо физическая сила действует на организм, то эта сила может полностью перевоплотиться в состояние сознания, с тем, чтобы потом превратиться в какую-либо другую физическую силу.

Подобные идеи встречаются и в «Братьях Карамазовых», где, например, целый ряд лейтмотивов, связанных с темой замещения и перевоплощения, заявлен уже в известном эпиграфе к роману, взятом из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24).

Эти лейтмотивы являются доминирующими на моральном и «мистическом» уровнях прочтения романа. Например, энергия, излученная сознанием Ивана (его безверие), порождает появление черта, который и сам повторяет, что он претерпел трансформацию — перевоплощение.

¹⁸ См.: Spencer H. Social Statics. P. 47–48.

Подобным же образом функционирует в романе мотив камня — камня Илюшечки, который в эпилоге должен превозмочь пространство и время и превратиться в силу, способную перевоплотиться в состояние сознания, которое, в свою очередь, производит физическое действие. На символическом уровне эта тема связана с различными вариациями образа камня, встречающимися в Библии, например, с камнем, заложенным в основание христианской Церкви (Мф. 16: 18–19); камнем, отвергнутым строителями, но становящимся краеугольным, посланным Богом (Мф. 21: 42); камнями в пустыне в эпизоде искушения Христа (Мф. 4: 1–11). Образный рисунок сцены, где читатель знакомится с камнем Илюшечки (часть IV, книга десятая), находится среди наиболее запоминающихся у Достоевского примеров космической образности, связанной с идеей «миров иных». Это сцена ежевечерней прогулки Илюшечки с отцом от калитки до большого камня, одиноко лежащего в прекрасном и пустынном месте. «Ветерок тогда начался, солнце затмилось, осенью повеяло, да и смеркалось уж <...>. Дошли мы, вот как теперь, до этого самого камня, сел я на камень этот, а на небесах всё змеи запущены, гудят и трещат, змеев тридцать видно. <...> А тут ветер вдруг загудел, понесло песком... <...> Никто нас тогда не видел-с, Бог один видел, авось мне в формуляр занесет-с» (14; 189–190).

Тема камня связана в романе с темой нравственного воспитания, передачей нравственных ценностей и памяти, то есть с основными темами книги десятой «Мальчики» и эпилога. Как раз отношение к воспитанию, полученному в раннем детстве, и его влиянию на последующую жизнь больше всего сближает Достоевского и Спенсера. Что может побудить человека к высокоморальным поступкам? Что может предостеречь подростка от следования за фальшивыми ценностями? Ответ Достоевского совпадает с ответом Спенсера, который считал, что именно эмоциональный опыт детства, память о котором сохраняется на всю жизнь, способствует сохранению нравственных чувств и формированию способности отличать хорошее от плохого. Достоевский использует эти идеи и развивает их, обуславливая формирование нравственности также сближением с народной правдой.

Уже в «Социальной статике», в главе «Права детей», Спенсер заявил, что цель образования и воспитания состоит в изменении характера. Однако Достоевский лучше всего, по-видимому, был знаком с идеями Спенсера, выраженными в работе «Воспитание умственное, нравственное и физическое» (1861), где английский философ использует теории Песталоцци (1746–1827) и Руссо (1712–1778). (Именно эта книга находилась в библиотеке Достоевского.¹⁹) В этой работе Спенсер утверждает, что воспитание должно начинаться с колыбели и что необходимо всячески поощрять самосовершенствование личности. Он отвергает обязательное государственное обучение, поскольку оно предполагает общественное принуждение и идет вразрез с его заключением о необходимости естественного развития личности.

¹⁹ См.: Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. С. 45.

В январском выпуске «Дневниках писателя» 1876 г. (в строках, предвосхищающих некоторые темы, развитые впоследствии в «Братьях Карамазовых») Достоевский приписывает воспитанию в раннем детстве огромное значение, подвергая при этом критике школьное образование: «...самые сложные понятия прививаются к ребенку совсем незаметно, и он, еще не умея связать двух мыслей, великолепно иногда понимает самые глубокие жизненные вещи. <...> Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотите, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа, из которой сплошь да рядом выходит ни то ни сё, ни доброе ни злое, даже и в разврате не развратное, и в добродетели не добродетельное» (22; 9).

В «Подростке» нашел отклик целый ряд и других идей Спенсера. Процесс нравственного образования в романе показан через сознание подростка Аркадия, который постепенно учится различать добро и зло, правду и ложь. Здесь отражается вера Спенсера в то, что «трудности морального воспитания неизбежно двойного происхождения», так как они проистекают из наложения друг на друга ошибок родителей и детей. Сюда относятся наследственность, семейные разлады и неправильные действия родителей. Детей необходимо учить тем предметам, которые помогут им бороться с окружающей средой, разрешать семейные и общественные проблемы и подготовят из них хороших родителей и хороших граждан. Упор необходимо делать на самообучение. Изучение любого предмета должно начинаться с чисто экспериментального введения; к объяснениям должно приступать только после сбора достаточного количества наблюдаемых данных. Детей нужно как можно меньше инструктировать, давая им возможность делать как можно больше самостоятельных открытий. Объяснения должны опираться на естественные реакции и чувства. Учителя могут играть важную роль в процессе обучения, особенно если они преданы своей работе и сами заняты исследованием; детей необходимо знакомить с искусством, поскольку искусство хорошо само по себе и дает чувство удовлетворения и благополучия.

В «Подростке», в соответствии с теориями Спенсера, изложенными выше, и его же теорией, согласно которой трудности в нравственном воспитании проистекают из совместных ошибок родителей и детей, Аркадий примиряется с наличием у него двух отцов. По Спенсеру, скромность и хороший пример являются лучшими учителями. У Достоевского Подросток видит перед собой пример и узнает нравственную философию своего приемного отца Макара. Воспитание Аркадия начинается в раннем детстве, когда его высшие чувства оказываются задетыми различными оставившими в его памяти резкий след происшествциями. Его школьное обучение дает ему хорошую подготовку в естественных науках (Спенсер считал этот предмет фундаментально необходимым). Аркадий прекрасно успевает по математике и понимает новейшие открытия в физике. Однако он отвергает формальное умственное воспитание. Вместо этого он становится на стезю

саморазвития и самораскрытия, проходя через различные жизненные ситуации («сама жизнь учит»). Он проводит собственные расследования и делает собственные выводы. Одержимый «идеей Ротшильда», он решает, что познание должно определять действия, но вид подкидыша, крошечной Ариночки, вызывает в нем педагогические инстинкты, в результате чего «идея» временно отходит на задний план. Чувства и эмоции осаждают его сознание и заставляют действовать. Именно они приводят его в действие, и деятельность его часто характеризуется повторяющимися упоминаниями о его «сердце» и описывается в терминах кинетических ощущений и пространственных перемещений. Так, он вечно бежит и «летит» в разных направлениях, вверх и вниз по лестницам. Часто кажется, что это метание в пространстве является для автора самоцелью. На самом деле оказывается, что в конце концов оно приводит Аркадия к Макару, его приемному отцу, и в итоге Аркадий постепенно взрослеет и учится различать добро и зло. И, естественно, он обращается за помощью к Макару, когда процесс познания или идея превращаются у него в сильное эмоциональное движение души. «В самом деле, могло быть, что я эту мысль тогда почувствовал всеми силами моей души; для чего же иначе было мне тогда так неудержимо и вдруг вскочить с места и в таком нравственном состоянии кинуться к Макару Ивановичу?» — пишет Аркадий (13; 297).

Такое понимание движения напоминает утверждение Спенсера, что пространство и время должны всегда оставаться недоступными разумению, что движение превышает аналитические способности человека и что сила и сознание в равной степени необъяснимы в своей фундаментальной сущности. Спенсер отвергал кантовскую доктрину пространства и времени (в качестве априорных условий нашего сознания), основанную на евклидовой геометрии. Открытие неевклидовой геометрии продемонстрировало неправильность идеи априорного понимания пространства. Уже в 1862 г. Спенсер понимал неосновательность доктрины Канта и признавал неспособность «человеческого ума» к полному пониманию основных концепций науки.²⁰ Рассказ Подростка от первого лица о ранее происшедших событиях указывает на идею времени, вытекающую из опыта последовательной смены состояний сознания. Память, процесс вспоминания и фиксации прошедшего играют важную роль в моральном взрослении Подростка: «Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и записывания» (13; 447). В конечном счете благодаря новым, разбуженным в Подростке чувствам его «ротшильдовская идея» трансформируется до неузнаваемости.

«Подростка» можно читать почти как развернутую иллюстрацию к тезису Спенсера из фрагмента о воспитании, опубликованного на страницах «Гражданина», о том, что действие порождается не познанием или пониманием, но чувством, которым сопровождается это понимание или ко-

²⁰ См.: *Spencer H. First Principles*. P. 39.

торое этим познанием возбуждается. Поведение изменяется только тогда, когда познание переходит из умственной формы (идеи) в форму живого чувства, выросшего из этой идеи. Для описания этого процесса Достоевский изобрел термин «идея–чувство» (13; 47). Этот процесс связан с темой замещения, перевоплощения и эквивалентности силы, сформулированной в начале романа и предваряющей дальнейшее действие. Имеется в виду сцена в главе третьей части первой, происходящая на квартире Дергачева, в которой Васин утверждает, что логическое умозаключение Крафта, перешедшее у последнего в сильное чувство, может быть вытеснено или изменено только другим, таким же сильным чувством. Подросток высказывает свое согласие: «Ошибка в том, что у Крафта не один логический вывод, а, так сказать, **вывод, обратившийся в чувство**. Не все натуры одинаковы; у многих логический вывод обращается иногда в сильнейшее чувство, которое захватывает все существо и которое очень трудно изгнать или переделать. Чтоб вылечить такого человека, надо в таком случае изменить самое это чувство, что возможно не иначе, как заменив его другим, равносильным. Это всегда трудно, а во многих случаях невозможно. <...> Именно надо вместо чувства вставить другое, чтоб заменить» (13; 46).

Значение многих открытий, сделанных Подростком, до конца не формулируется, потому что в конечном итоге это может быть только интуитивно почувствовано или угадано. «Может быть, иному читателю захотелось бы узнать: куда ж это девалась моя „идея“ и что такое та новая, начинавшаяся для меня теперь жизнь, о которой я так загадочно возвещаю? Но эта новая жизнь, этот новый, открывшийся передо мною путь и есть моя же „идея“, та самая, что и прежде, но уже совершенно в ином виде, так что ее уже и узнать нельзя. Но в „Записки“ мои все это войти уже не может, потому что это — уже совсем другое» (13; 451).

Сравните этот процесс, пережитый Подростком, с процессом, описанным Спенсером в заключении его сочинения «Прогресс. Его законы и причины». В русском переводе 1866 г., доступном Достоевскому по публикации в томе «Научные, политические и философские опыты», читаем: «...искренний приверженец науки, довольствуясь тем, что ему дает очевидность, приобретает при каждом новом исследовании все более глубокое убеждение, что вселенная есть неразрешимая задача. Как во внешнем, так равно и во внутреннем мире он видит себя среди вечных перемен, ни начала ни конца которых он не может открыть. Если, проследив весь ход развития вещей, он допустит гипотезу, что всякое вещество существовало некогда в рассеянной форме, то понять, как это сделалось, будет для него все-таки невозможно; равным образом, если он станет размышлять о будущем, то не в состоянии означить предела той великой последовательности явлений, которая непрестанно развертывается перед ним. С другой стороны, всматриваясь внутрь себя, он увидит, что оба конца нити его сознания вне его достижения: он не может вспомнить, когда или как началось это сознание, и не может рассмотреть сознание, существующее в текущий момент; ибо только состояние минувшего сознания может стать

предметом размышления, а отнюдь не то, которое приходится в данный момент. Обращаясь далее от последовательности внешних или внутренних явлений к сущности их, он так же точно останавливается. Если ему и удастся истолковать все свойства вещей проявлениями силы, то это не объяснит ему, что такое сила; он находит, напротив, что чем он более о ней думает, тем более приходит в недоумение. Равным образом, хотя анализ умственных действий и приведет его наконец к ощущениям, как к первоначальному материалу, из которого соткана всякая мысль, но это не подвинет его вперед; ибо он никак не в состоянии понять ощущение, не может даже понять, как ощущение возможно. Таким образом он открывает, что элементы как внутреннего, так и внешнего мира равно неизведомы в их основном генезисе и основной природе. Он видит, что споры материалистов и спиритуалистов не более, как война слов; обе стороны равно нелепы, потому что обе думают, что понимают то, чего никакой человек не может понять. Во всех направлениях исследования непременно ставят его лицом к лицу с непознаваемым, и он все яснее видит, что это непознаваемое действительно непознаваемо. Он сразу убеждается и в величии и в ничтожности человеческого разума — его власти над всем, что входит в пределы опыта; его немощности во всем, что заходит за пределы опыта. Он чувствует живее, чем кто-либо, полную непостижимость самого простейшего из фактов, рассматриваемого в самом себе. Он один истинно *видит*, что абсолютное знание невозможно. Он один *знает*, что под всеми вещами скрывается непроницаемая тайна». ²¹

В своем «Дневнике писателя» 1873 г. Достоевский вторит Спенсеру: «...сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства» (21; 75).

Подобно Спенсеру, в материалах к «Подростку» Достоевский записывает, что Макар, приемный отец Подростка, воспринимает непознаваемое как тайну Божьего мира: «Птичка Божия тайна, и прекрасно это (что тайна). Что узнавать-то?! А кабы и узнал, так еще хуже не поймешь, не твоего ума это дело» (16; 343). «*Макар*. Как слово западает в человека и какими путями идет, — сказать нельзя. И никто не знает того, как взыщет Бог. Зерно ржи в земле» (16; 370).

Макар безоговорочно принимает мир таким, какой он есть, поскольку «не твоего ума это дело». С другой стороны, Иван в «Братьях Карамазовых», из-за своего земного, «эвклидова ума» отвергает такой подход. «...Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчас же изменю факту, а я решил оставаться при факте. <...> О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страдание есть, что виновных нет, что все одно из другого выходит прямо и просто, что все течет и уравнивается, — но ведь это лишь эвклидовская дичь, ведь я знаю же это, ведь жить по ней я не могу же согласиться! <...> Это вопрос, который

²¹ Спенсер, Герберт. Прогресс. Его законы и причины (Собр. соч. СПб., 1866. Т. 1: Научные, политические и философские опыты. С. 58–59).

я не могу решить. В сотый раз повторяю — вопросов множество, но я взял одних деток, потому что тут неотразимо ясно то, что мне надо сказать. Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем не понятно, для чего должны страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию?» (14; 222).

В «Братьях Карамазовых» Достоевский, как он писал в известном письме к Н. А. Любимову от 10 мая 1879 г. (см.: 30; 64), намеревался опровергнуть такое отношение к Божьему миру, как у его героя Ивана. Аргументы, которыми пользуется Иван в главе 4 книги пятой «Бунт», отражают аргументацию русских радикалов, особенно Н. К. Михайловского, которой тот пользовался, полемизируя со Спенсером²². Достоевский создал (или даже изобрел) старца Зосиму для того, чтобы разрушить аргументацию Ивана и доказать ее ложность и бесполезность. Говоря условно, Иван стоит на позициях Михайловского, а Зосима — на позициях Спенсера. Для Зосимы, как и для Спенсера, всеобщность представляет собой космос. Оба они признают существование непознаваемого. Зосима учит: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле <...> возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным» (14; 290).

Иван настаивает на своем праве подвергать сомнению или критиковать великий Божий мир — так же как Михайловский ставит под сомнение позицию Спенсера, который утверждал в «Социальной статике»: «Сомневаться в предусмотрительности и в действительности законов природы и предполагать с бесконечною самоуверенностью, что человеческое суждение может быть безошибочным — вот настоящее неверие, вот истинный атеизм. Пусть человек оставит свою неуместную претензию критиковать великий Божий мир с точки зрения своего кусочка мозга. Пусть он поймет, что существует действительно истинный закон, хотя он и лежит покуда за пределами его рассудка; пусть он следует этому закону в благоразумном молчании, повинаясь ему, как закону несомненному».²³

Иван отказывается слепо повиноваться, и выдвигаемые им аргументы отражают некоторые проблемы, волновавшие также английских социальных философов. Как достичь счастья и совершенства? Достоевский расширяет эти вопросы, вопрошая: как можно совместить страдания невинного с этим, по словам Спенсера, «Великим Божьим миром»? Иван

²² См.: Михайловский Н. К. Что такое счастье? // Отечественные записки. 1872. № 3, 4. Статья получила большой резонанс в демократических кругах. «Работа относилась к числу тех немногих произведений русской демократической публицистики, которые продолжали оставаться настольной книгой и для последующих поколений» (Вилленс-кая Е. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX века. М., 1979. С. 131–132).

²³ Отечественные записки. 1872. № 3. С. 269 (также см.: Spencer H. Social Statics. P. 47–48).

отвергает космическую эволюцию вселенной, такую, как в учении Спенсера, предусмотрительность и действительность законов природы «великого Божьего мира», поскольку он (мир) включает страдания невинного, жестокость, болезнь и зло. В речах Ивана можно услышать эхо полемики между Михайловским и Спенсером. Например, в статье «Что такое счастье?» Михайловский, возражая Спенсеру, заявляет: «Вы убеждаете меня признать существование нравственного закона и повиноваться ему „в благоразумном молчании“ и тут же заявляете, что этот закон „лежит покуда за пределами доступными нашему рассудку“²⁴. Чему же я буду повиноваться? Как я буду следовать закону, мне неизвестному и недоступному?». Здесь же он ссылается на миф о Прометее, на вольтеровского «Кандида», обсуждает общественный порядок в свете учения католической церкви и, наконец, упоминает о счастье «всякого пса смердящего», что вызывает ассоциации с фамилией *Смердяков*.

Параллель, которую Иван проводит между нравственной и геометрической логиками, сродни аналогиям, используемым Спенсером и некоторыми другими английскими социальными философами. Например, можно усмотреть известную близость между тем, как Спенсер в «Социальной статике» связывал нравственное и «геометрическое чувство»²⁵, с одной стороны, и характеристикой Иваном своего эвклидовского, «геометрического» ума и его отрицанием неэвклидоваго восприятия — с другой.²⁶

Нет сомнения, что взгляд Спенсера на счастье людских существ в зависимости от воли Божьей и творческих целей человека и его вера в то, что человек должен послушно принять нравственный закон, поскольку он выходит за пределы, доступные человеческому пониманию, нашли отклик в образе старца Зосимы, который говорит: «Ибо для счастья созданы люди, и кто вполне счастлив, тот прямо удостоен сказать себе: „Я выполнил завет Божий на сей земле“» (14; 51).

С другой стороны, светское, утилитарное понимание счастья отвергается Достоевским, отказывающимся рассматривать достижение Золотого Века в социально-экономических терминах. Целью для Достоевского является не материальное благополучие и внешняя свобода, которые он называет «механическим идеалом», но всеобщее счастье, основанное на самопожертвовании и внутреннем чувстве свободы, рожденном как результат принятия Христа.

Золотой век без Создателя, описанный в «Подростке» в сне Версилова, а также упомянутый Иваном в эссе «Геологический переворот», и понимание счастья Великим Инквизитором представляют собой ответы Достоевского на нерелигиозное понимание счастья (см.: 13; 375, а также: 14; 229 и 15; 83).

²⁴ Отечественные записки. 1872. № 3. С. 271

²⁵ Н. К. Михайловский писал, что Спенсер «предполагает существование в нас особого „геометрического чувства“, заведующего нашими понятиями о линиях, плоскостях, объемах и т.д.» (Там же. С. 262).

²⁶ См.: *Spencer H. Social Statics*. P. 52–53; *Spencer H. Mill versus Hamilton // The Test of Truth, Essays: Scientific, Political and Speculative*. London, 1868. Vol. II. P. 395.

Взгляд на порядок человеческого общества, который Достоевский желает привить своим читателям, — это понимание мира Зосимой. Для Зосимы Бог — это Великая Первопричина, Создатель целой цепи вторичных причин. Как и для Спенсера, Он «непостижим». В таком понимании мира все связано между собой отношениями причины—следствия, и, таким образом, один отвечает «за всех и вся и за всё». Спенсер видит мироздание как изменяющееся во времени; в силу этого доступные наблюдению несовершенства твари («of creation») он толкует как момент прогресса в сторону большего совершенства.

Отношение Достоевского к такому прогрессу и будущему совершенству, или гармонии, является неоднозначным. Н.Н.Страхов писал о смутности и неопределенном характере источников и принципов, на которых основаны философские убеждения Достоевского²⁷. Писатель выводил свои идеи из самых разнообразных источников, собирал их в свою собственную философскую систему и воплощал в своих произведениях. Исследователи согласны в том, что убеждения Достоевского трудно увязать с какой-либо определенной философской системой. Тем не менее, вряд ли можно сомневаться в том, что Достоевский многое черпал из философской традиции, заложенной британскими социальными философами. Его основные художественные произведения обязаны их влиянию значительной частью своего тематического, идейного и психологического содержания. Отклики на эту традицию часто присутствуют в его произведениях, независимо от того, опровергаются они или защищаются, развенчиваются или признаются, отрицаются или принимаются. Его работы в том виде, в каком они дошли до нас, невозможно представить без идейного вклада британских социальных философов.

²⁷ См.: Скотов Н.Н. Критика Николая Страхова и некоторые вопросы русской литературы XIX века // Русская литература. 1982. № 2. С. 49.